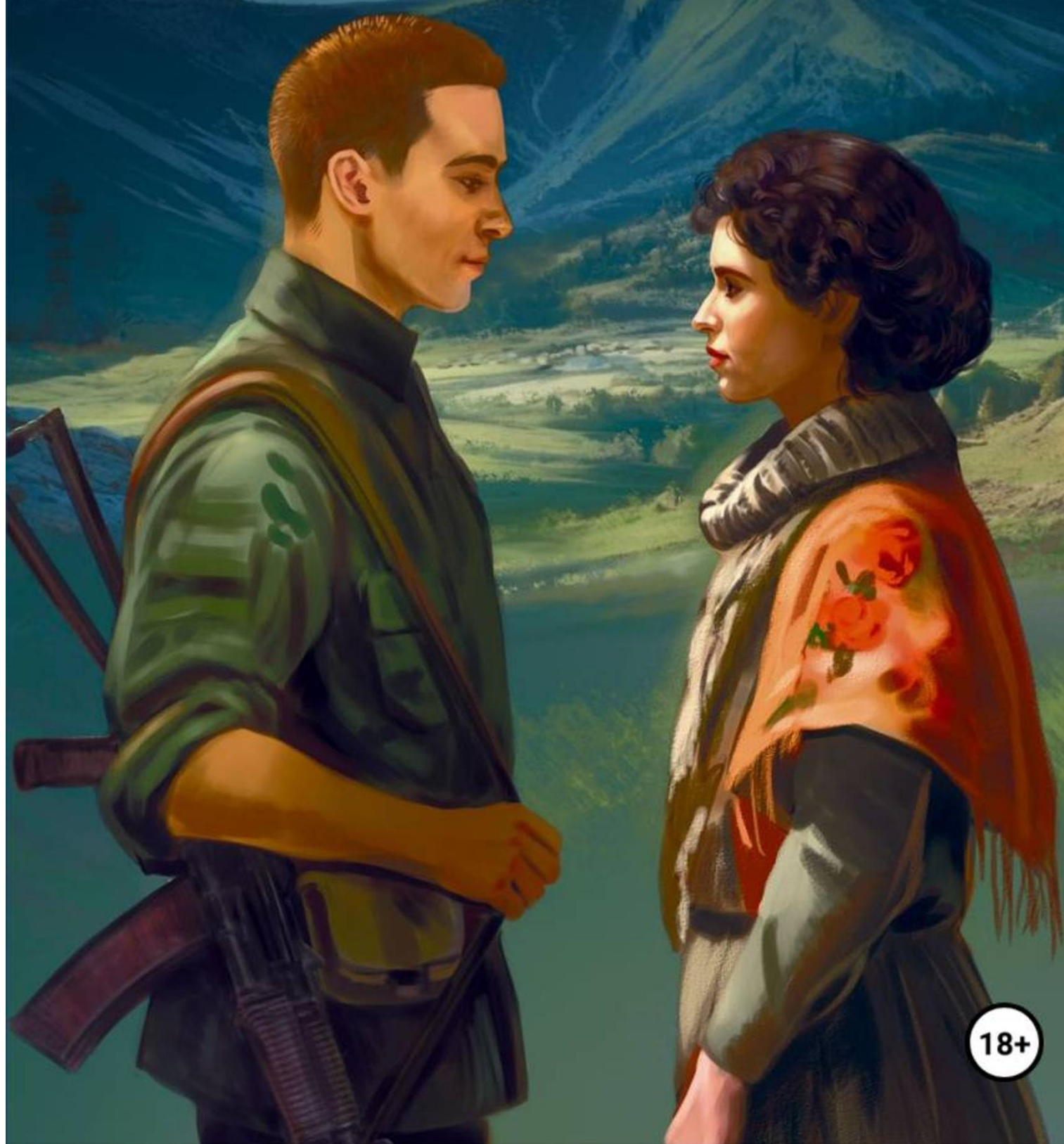

АЛЕКСЕЙ ЗАКРЕВСКИЙ

РОМЕО И ДЖАМАЛЯ

18+

Алексей Закревский
Ромео и Джамалия

«Автор»

2020

Закревский А.

Ромео и Джамалья / А. Закревский — «Автор», 2020

«Ромео и Джамалья» – это современная адаптация классического сюжета. Только на этот раз события разворачиваются на национальной окраине распадающегося СССР на фоне политических потрясений и назревающего вооружённого конфликта. Он солдат-срочник, она – местная девушка. Случайная встреча становится началом их любви, но окружение обоих категорически против. Удастся ли влюблённым сохранить свои чувства? Смогут ли они вообще выжить или повторят трагическую судьбу шекспировских героев?

© Закревский А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Загадочный блеск глаз	5
Глава 2. «Где ты видел девушек!?»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ромео и Джамаля

Глава 1. Загадочный блеск глаз

Дозор быстрым шагом возвращался на заставу. Чтобы сократить путь, старший наряда повёл своих подчинённых не по основному рубежу у берега Аракса, а по рубежу прикрытия, то есть напрямик по грунтовой дороге, идущей вдоль железнодорожной колеи.

Вокруг было тихо, если не замечать отдалённого гула реки и птичьего щебета в зарослях кустарника. Ничто вокруг не говорило о том, что пару лет назад здесь бурлили эмоции и царил хаос.

Раньше два пограничных рубежа были действительно рубежами с целой системой заградительных сооружений. Они не давали возможности приблизиться к реке, по руслу которой и проходила государственная граница. Всё изменилось в январе 1990 года, когда тысячи азербайджанцев вышли к заградительной системе и потребовали её открытия.

После отказа пограничников пустить митингующих на охраняемую территорию начался разгром. Толпы местных жителей крушили забор из колючей проволоки, сгребали проволочную сеть-путанку. Чтобы было сподручнее, использовали бульдозеры и экскаваторы.

Советская власть на излёте своего существования не заметила, как выпустила джинна национализма. В каждом национальном регионе страны этот джинн проявлялся по-своему. В Нахичевани на протяжении всей советско-иранской границы он предстал в виде пылающих огромными факелами сторожевых вышек, поджигаемых участниками погромов.

Пограничникам оставалось только наблюдать за всем этим. Командование, перепуганное всплеском ненависти местного населения к военным, отдало категорический приказ: столкновений с митингующими избегать, на провокации не отвечать и охранять только себя.

К тому времени, когда три участника утреннего дозора спешили на заставу, страсти на границе уже давно улеглись. Бывшие погромщики вернулись к своим обычным занятиям и превратились в мирных граждан, а пограничники снова приступили к выполнению своих служебных обязанностей. Только граница теперь представляла собою жалкое зрелище. От заградительной системы остались лишь неряшливые кучи из мешанины столбов, перепутанной колючей проволоки, камней и земли.

В то время на каждой советской погранзаставе на самом почётном месте красовалась церемониальная стела со словами: «Границы СССР священны и неприкосновенны!» После январских событий 1990 года эти высокопарные слова звучали не иначе как насмешкой. Теперь местные жители беспрепятственно проходили к самой реке, а военные вынуждены были сквозь пальцы смотреть на бултыхающихся в воде мальчишек или выпасаемые на береговой отмели отары овец.

После развала Советского Союза войска первое время продолжали оставаться в местах своей прежней дислокации, а пограничники всё ещё по инерции поддерживали видимость охраны границы да пресекали уж слишком откровенные случаи контрабанды.

Пройдя ранним утром по берегу реки до самого стыка с флангом соседней заставы, солдаты чуть ли не бегом возвращались обратно. Причиной спешки был воскресный день, а по воскресеньям на заставе показывали кино.

Солдатский быт, особенно на отдалённых заставах, никогда не отличался большим разнообразием в плане развлечений. Просмотр кинофильмов оставался чуть ли не единственным способом отвлечься от опостылевшей действительности.

Хотя этот способ времяпрепровождения всё ещё в просторечии назывался «смотреть кино», к прежнему кинематографу он уже имел весьма отдалённое отношение. Эпоха натянутой на стене белой простыни, стрекочущего кинопроектора и жестяных коробок с бобинами киноплёнки канула в Лету. На смену всему этому пришёл видеомagneтофон.

В конце восьмидесятых годов видеосалоны заполнили всю страну, растлевая застоявшуюся в стойлах советской морали молодёжь. Победное шествие «видика» не останавливала даже запредельная цена, которая в некоторых случаях достигала стоимости отечественного автомобиля.

Через год после описываемых выше январских беспорядков в приграничное нахичеванское село наконец-то добрался прогресс. Один из предприимчивых местных граждан по имени Самед Гусейнов продал доставшийся ему в наследство от бабушки «Москвич-412» и приобрёл в столице новенький Panasonic. По возвращении на родину молодой человек развил бурную деятельность, организовав в местном кафе видеосалон. Дело оказалось прибыльным, и ещё через год Самед разъезжал уже на «Жигулях» шестой модели.

Надо отдать должное – предприниматель не почивал на лаврах, а искал новые способы обогащения. В результате у него с пограничниками возникла договорённость о том, что каждое воскресенье он будет привозить на заставу видеомagneтофон и с десяти утра до шести вечера демонстрировать фильмы. За это с каждого военнослужащего вне зависимости от звания взималась плата в размере пяти рублей.

Солдаты не зря спешили на заставу – надо было занять лучшие места. Как правило, первой ставилась какая-нибудь новинка. Для её просмотра собирались все, включая офицеров. В ленинской комнате отодвигали к стенам столы и, расставив табуреты в несколько рядов, рассаживались, исходя из заставской иерархии. В первом ряду, прямо перед телевизором, сидели офицеры. По бокам от них и на двух последующих рядах размещались «дембеля» и «бабушки». Остальные довольствовались менее удобными местами. Самым обездоленным и угнетённым, коими являлись так называемые «индусы» (аналог армейских «духов»), оставалось только одно: зарабатывать косоглазие и кривошеею, примостившись где-нибудь на подоконнике или на столе. Опоздавшие обычно разделяли с ними эту участь.

Чтобы успеть к началу показа, участникам утреннего дозора требовалось вовремя вернуться на заставу, доложить о прибытии, сдать оружие и обязательно перекусить, чтобы потом, во время просмотра, не оглашать помещение урчанием пустого брюха.

Периодически среди зрителей происходили передвижения. Так, посмотрев один-два первых фильма, офицеры вставали и покидали «зрительный зал», гонимые своими служебными обязанностями. Представители самых привилегированных слоёв солдатского общества тотчас же занимали их места.

После ухода начальства Самед, как правило, хитро подмигивал и доставал из недр своей огромной спортивной сумки кассету, содержимое которой носило явно порнографический характер. Это встречало нездоровое оживление в солдатской среде, особенно среди дембелей.

Просмотр «порнухи», сопровождаемый солдатским ржанием и сальными шутками, длился недолго. Вскоре зрелище надоело, и бойцы требовали перейти на показ в ускоренном темпе. Вид прыгающих и вертящихся фигур и потешно кривляющихся физиономий на экране какое-то время веселил солдат, но опять-таки недолго. В конце концов порнографическую кассету с позором изымали из видеомagneтофона, и она исчезала в чреве всё той же огромной сумки Самеда. На смену ей ставился какой-нибудь боевик, то есть более достойное настоящих мужчин кинопроизведение.

Во время демонстрации, изредка прерываемой перекурами, отдельные солдаты вынужденно покидали ряды зрителей, так как уходили в наряд или заступали на дежурство, но добрая половина ухитрялась за воскресенье посмотреть до пяти видеофильмов. В числе таких везун-

чиков были и участники утреннего дозора. Главное, чтобы они успели возвратиться на заставу к приезду Самеда и застолбить удобное для просмотра место.

Когда пограничники шли по рубежу прикрытия, их мысли наверняка были уже там, в ленинской комнате, перед экраном телевизора. Несмотря на это, солдаты всё же заметили небольшую отару овец, пасущуюся в узкой балке, спускавшейся к реке. Впадина эта была хитрым местом. Начинаясь от туннеля, пронизывающего железнодорожную насыпь, она перерезала всё расстояние до реки и могла незаметно вывести к воде. Этой ложбиной уже не раз пользовались те, кто промышлял мелкой контрабандой.

Было очень заманчиво проскочить мимо, якобы ничего не заметив, – уж очень хотелось успеть к распределению мест перед телевизором. Всё же старший наряда младший сержант Сергей Кирильчук решил задержаться у подозрительной балки.

По радиостанции он вызвал заставу и сообщил о своём местонахождении. Затем сделал знак сослуживцам, и они разошлись, начав действовать по давно отработанной схеме. Кирильчук отправился вдоль впадины по более высокому склону слева, а его друг рядовой Павел Цвигун с собакой пошёл по более низкому и пологому правому краю, отсекая, таким образом, путь к бегству. Третий участник дозора, рядовой Роман Шамшур, держа автомат наизготовку, двинулся по низу оврага. То, что внизу на полпути к реке паслись овцы, ещё ничего не значило. Контрабандисты часто действовали под видом пастухов. Несколько человек пригоняли отару к воде, якобы для водопоя, и пока один действительно следил за животными, его сотоварищи переправлялись с ценным грузом на другой берег или, наоборот, принимали контрабанду с сопредельной территории.

Осторожно ступая по каменистой почве, Шамшур приблизился к зарослям, за которыми, судя по звуку, находилась отара. Сквозь ветки кустарника он увидел около двух десятков грязных тощих овец. Животные тоже его заметили и тотчас же шарахнулись в сторону. Пастухов не было видно, но чуть ниже, из-за каменистого уступа, поднималась тонкая, едва заметная струйка дыма.

Аккуратно обойдя отару, солдат подошёл ближе и услышал тонкие, как ему показалось, детские голоса. «Пацаны, – подумал он. – Зря только спускался!»

Недолго думая, Шамшур выступил из-за укрытия, чтобы шугануть пастухат. У маленького костерка сидели не мальчишки, а три молодые женщины. Одеты в безразмерные вязаные кофты и длинные цветастые юбки, они обломками веток рылись в почти уже потухших углях. Рядом лежала хозяйственная сумка со следами многочисленных штопок.

При неожиданном появлении военного одна из женщин взвизгнула, и вся троица сорвалась и, подобрав юбки, бросилась вниз к реке.

– Вот дуры! – засмеялся боец, после чего прокричал им вдогонку: – Куда побежали!? Я ничего вам не сделаю!

Одна из убегающих приостановилась, обернувшись. Две другие продолжали спускаться по склону, даже не оглядываясь.

– Ну, и чего ты испугалась!? – обратился Шамшур к той, что остановилась. – Не бойся, я тебя не трону! Иди сюда!

Пограничник всем своим видом попытался вызвать у беглянки доверие. Он скорчил благодушную физиономию и приветливо махнул рукой – пастушка с места не двигалась. Тогда солдат развернулся и подошёл к костру. Положив автомат на колени, он присел на корточки и протянул к остывающим углям руки. Среди золы и обугленных головешек лежали несколько запечённых грецких орехов.

Азербайджанка тем временем, в нерешительности потоптавшись внизу, стала медленно, как бы нехотя, подниматься обратно. Взобравшись, она села с противоположной стороны костра.

– И чего бежала? Я что, такой страшный? – задумчиво спросил Шамшур, глядя не отрываясь на еле тлеющие угольки в кострище.

– Так ведь ты же подкрался! Кто знает, что у тебя на уме! – внезапно на чистом русском языке заявила пастушка.

Шамшур с удивлением взглянул на азербайджанку. Такого ответа он не ожидал. Как и его сослуживцы, он привык, что живущие в окрестных сёлах женщины или вообще не могли по-русски двух слов связать, или говорили с ужасным акцентом. Пограничники общались только с местными мужчинами, а на их жён и дочерей смотрели скорее как на диковинных зверьков, очень на людей похожих, но таковыми не являющихся. Происходило это из-за того, что район был отдалённый, окраинный, с исключительно азербайджанским населением, и здесь во многом по-прежнему жили по патриархальным законам прошлого. Местные женщины растили детей, занимались домашним хозяйством, ковырялись на огородах и не более того. Общение с военнослужащими выходило за те чёткие поведенческие рамки, которые им позволяла традиция.

Перед костром сидел не «зверёк», плохо говоривший по-русски, а очень даже симпатичная девица, причём она была явно не робкого десятка. Шамшур неожиданно для себя смутился.

– Извини! – сказал он. – Я не хотел никого пугать. Я думал, вы контрабандисты.

Незнакомка хихикнула.

– Ага, контрабандисты! А это наша контрабанда! – с иронией произнесла она, указав на лежащую рядом штопаную сумку. Оба рассмеялись.

Шамшур догадался, что девушка не из села. Уж больно она была бойкой и разговорчивой.

– Ты не местная? – спросил он. – Ты из города?

– Из Нахичевани, – последовал ответ.

Шамшур снял кепку и поскрёб короткий ёжик волос. Он с интересом разглядывал азербайджанку. На вид ей было не больше семнадцати. Невысокая худенькая девушка сидела, прижав колени к груди. В отличие от убежавших вниз она не покрыла голову платком, а просто накинула его на плечи. Казалось, что её густую копну волнистых спутанных чёрных волос ни под какой платок не упрятать. Лицо пастушки было бледным – без намёка на загар. Точёный подбородок, нежно-розовые, как у ребёнка, губы, аккуратный нос с едва заметной горбинкой казались безупречными. Густые, изящно изогнутые брови контрастировали с чистым открытым лбом. Но больше всего Шамшура поразили её тёмно-карие, почти чёрные глаза. В уголках этих глаз таился какой-то загадочный влажный блеск.

Солдат поймал себя на том, что бесстыдно пялится на девчонку, не в силах отвести взгляд. Она его состояние заметила и хихикнула. От прежнего её испуга не осталось и следа. Незнакомка тоже с интересом его разглядывала, но делала это исподтишка, часто опуская взгляд. Руками она теребила концы своего яркого, в алых розах платка.

В этот момент снизу раздался голос одной из её подруг, и она, привстав, что-то крикнула той в ответ по-азербайджански. Убежавшие вниз пастушки стали с недовольным видом подниматься назад. Взобравшись, они сели несколько поодаль и стали о чём-то спрашивать девушку у костра.

Одна показалась солдату старше и симпатичнее другой, выглядевшей уж совсем дурнушкой. Шамшур догадался, что она главная в этой троице. Старшая стала отчитывать сидящую у костра девушку, но та, скривив личико, отмахнулась.

– Что она говорит?

– Она сказала, что я должна держаться от тебя подальше. Говорит, что ты можешь быть опасным.

Шамшур ухмыльнулся. «Какие же эти бабы запуганные!» – подумалось ему, а тем временем сидящая напротив девушка с помощью деревянной палочки стала выбирать из костра запечённые орехи. Шамшур стал ей помогать, вооружившись обломком ветки.

– Тебя как зовут? – осмелел он.

– Джамалья, – просто, без какого-либо кокетства отозвалась пастушка.

– А это твои подруги?

Девушка сказала что-то по-азербайджански, а после пояснила по-русски:

– Жена моего брата Лейла и её племянница.

Шамшур немного помолчал, а потом осторожно поинтересовался:

– Тебе сколько лет?

– Пятнадцать, – простодушно ответила Джамалья. Внешне она выглядела старше.

В этот момент сверху посыпалась земля, и по склону съехал младший сержант Кирильчук.

– Ну что, Рома, познакомился?

Обе пастушки взвизгнули и снова бросились наутёк, но убежать далеко, как в первый раз, уже не стали. Джамалья тоже было дёрнулась, но поймав взгляд Шамшура, почему-то осталась. Только подобралась вся.

– Вот дуры! А эта коза чего сидит? – спросил младший сержант.

За спиной Шамшура отозвался Цвигун:

– Серёга, проверь, что у них в сумке. Вдруг там контрабанда!

Они оба заржали, и Кирильчук, нагнувшись, самоуверенно потянулся к сумке. Всё это время Шамшур наблюдал за девушкой. В её лице что-то изменилось. Она молча следила за Кирильчуком. Стоило только тому дотронуться до сумки, как она вдруг с силой ткнула его обугленной палкой в руку. От неожиданности младший сержант по-заячьи заверещал и отскочил. Собака Цвигуна залаяла, натянув поводок.

– Не, вы видели!?! Она меня пырнула! – обиженно выкрикнул Кирильчук.

Глядя на его возмущённую рожу, Шамшур не смог сдержать улыбки.

– Правильно сделала, – неожиданно вступился он за девушку. – Чего ты к чужому лапы протягиваешь?

– Ну ни фиги себе! – возмутился Кирильчук предательством сослуживца. – Я имею право проверить, что в сумке!

– Да ладно тебе! – Шамшур встал и закинул автомат за спину. – Что ты там собрался найти?

Он сделал шаг вперёд и как бы невзначай встал между младшим сержантом и пастушкой.

– Кстати, – заметил он. – Ты базар фильтруй. Она городская. Русский понимает как свой родной.

– Да ну! А я думал, что здесь только чушки местные бродят, – Кирильчук бесцеремонно отпихнул Шамшура и, расплывшись в глумливой улыбке, кривляясь, двинулся к девушке. – Здравствуй, лапочка! Ну, чего ты такая злая? Давай с тобой поближе познакомимся! Как тебя зовут?

Девушка с безразличностью наблюдала за ним.

– Джамалья, – ответил за неё Шамшур и взял Кирильчука за рукав.

– О-о, какое красивое имя! – продолжал паясничать Кирильчук. – Джамалья! А меня зовут Серёжа. Вот этот доблестный воин – Паша.

Доблестный воин Цвигун ощерился в улыбке, показав порченные зубы.

– А вот этого мечтательного юношу зовут Ромео.

Услышав имя Ромео, Шамшур невольно поморщился. Он потянул сослуживца за рукав. Пора было заканчивать эту комедию. Кирильчук вёл себя откровенно по-хамски.

– Так, всё! Пошли на заставу! Там, наверное, уже Самед со своим кинотеатром приехал, – пришла на ум Шамшура удачная мысль.

– Точно, Серый, пошли, а то все места займут! – поддержал его Цвигун и дёрнул собаку за поводок.

Старший наряда остановился. Перспектива сидеть на подоконнике ему не улыбалась. Он изменился в лице и, зло сплюнув под ноги девушки, произнёс:

– Ну ладно, цыпочка, не скучай. Может, ещё увидимся.

Рывком руки Кирильчук освободился от захвата, повернулся и пошёл наверх. Его подчинённые молча двинулись следом.

Когда они выбрались на дорогу, Шамшур понял, что где-то внизу обронил форменную кепку. Он тихо выругался и, пообещав сослуживцам, что скоро их догонит, стал снова спускаться. На полпути он увидел Джамалю. Она карабкалась вверх, держа в руках его головной убор.

– Ты так спешил, что потерял вот это, – засмеялась девушка, протягивая кепку.

– Пришлось увести их, – сказал в оправдание солдат. Он надел кепку и улыбнулся:

– Спасибо.

Она отмахнулась, что, по-видимому, означало «не стоит благодарности», и осторожно стала спускаться.

– Джамалья! – позвал её Шамшур.

Девушка повернулась и посмотрела на него снизу вверх.

– Ты... Ты в каком классе учишься? – парень всё не решался спросить о самом главном, что его интересовало.

– Девятый заканчиваю.

– А... – солдат аж вспотел, проклиная себя за нерешительность.

Джамалья сделала ещё несколько шагов вниз.

– Ты когда-нибудь придёшь сюда? – наконец решился он и тотчас же возненавидел себя за этот вопрос.

– Не знаю. Если Лейла будет тут пасти овец, то я тоже приду.

– Приди, пожалуйста. Я очень хочу тебя ещё раз увидеть, – с трудом выдавил из себя юноша. Он почувствовал, как жаркая волна стыда хлынула ему в лицо. Не желая, чтобы девушка заметила его покрасневшую физиономию, Шамшур резко развернулся и зашагал наверх, ни разу не оглянувшись.

Джамалья стояла и смотрела ему вслед.

Глава 2. «Где ты видел девушек!?!»

На первый фильм они всё-таки опоздали. Шамшур сидел на подоконнике и совершенно не интересовался тем, что происходило на телеэкране. Он то и дело мыслями возвращался в сегодняшнее утро и прокручивал в памяти диалог с девушкой. Новая знакомая запала в душу парня. В жизни ему довелось встречать немало симпатичных девчонок, но все они работали над своей внешностью. Макияж, модная причёска, удачно или не очень подобранные одежда и украшения дополнительно подчёркивали их женскую привлекательность. У пастушки, которую он повстречал на фланге, ничего этого не было. Она была одета, как чучело, но показалась солдату удивительно красивой.

В свою очередь, ни один мужчина ни за что не назвал бы Романа Шамшура красавцем. Среднего роста, вполне заурядного телосложения, он, по мужским меркам, обладал довольно невзрачной внешностью. И всё же что-то в его облике привлекало девушек. Недаром существует мнение, что мужчины и женщины – это представители разных планет. Понятие красоты у них совершенно не совпадает.

Казалось бы, высокий, мускулистый красавец с правильными чертами лица должен вызывать в женщинах больший интерес, но не тут-то было. Они почему-то отдают предпочтение довольно ординарному представителю мужского племени. И кто их поймёт, что находят они в таком рядовом субъекте?

В данном случае Роман Шамшур, будучи, на первый взгляд, ничем не примечательным и, к слову, довольно стеснительным юношей, уже в подростковом возрасте ощутил на себе повышенное внимание сверстниц. Хотя если бы им задали вопрос: «Чем же он их привлекает?», большинство не смогли бы дать вразумительного ответа. «Он такой милый!» – говорили девочки друг другу, и этим его характеристика ограничивалась.

Вечером Шамшур ушёл в наряд на границу. Найдя небольшой овражек у дороги, где не дул холодный ветер с реки, они вдвоём с другим старослужащим улеглись, зажав автоматы между ног. Третьего участника наряда, молодого бойца, служившего на заставе лишь пару месяцев, «деды» обязали охранять их «стариковский» сон и следить за окружающей обстановкой. Молодой солдат, или, на местном армейском жаргоне, «индус», залёг у края овражка и вперился взглядом в темноту.

Напарником Шамшура оказался его хороший товарищ Сергей Ермилов. Он призывался из Подмоскovie тем же призывом, что и Роман. Они сдружились ещё в учебке, и когда пришло время распределения по заставам, попросились служить вместе. Впоследствии им очень редко удавалось попасть вместе в один наряд. Ермилова почти сразу же назначили кочегаром, а представители этой воинской специальности пользовались определёнными привилегиями и в наряды ходили редко.

На каждой заставе имелось по два кочегара. В отопительный период они работали, меняясь через сутки. Заступивший с вечера на смену кочегар натаскивал в котельную угля и дров и начинал колдовать около топки.

При всей, казалось бы, простоте труд кочегара был делом, требующим предельного внимания и отменной сноровки. Множество хитростей и тонкостей сопровождали работу около котла. Стоило только зазеваться, бросить слишком мало или слишком много угля, поставить шторы поддувала под неправильным углом, как огонь в котле угасал и температура в помещениях падала, приводя в бешенство особо изнеженных дембелей. Прежде чем в совершенстве освоить столь хлопотное дело, Ермилову довелось не раз получать от недовольных его работой старослужащих пинки и оплеухи.

Помимо этого, кочегары раз в неделю топили баню. Правильно растопить баню, то есть создать в парилке оптимальную температуру, а в баках горячую воду, считалось вообще высшим пилотажем. В конце концов Ермилов освоил и эту нелёгкую науку, чем добился к себе заслуженного уважения.

Во время всего отопительного сезона оба кочегара находились на переднем крае борьбы с холодом, и заниматься своим внешним видом им было недосуг. К весне их обмундирование становилось чёрным от копоти и угольной пыли, да и сами они не могли похвастать белизной лица. Только к окончательному приходу тепла, когда огонь в топке котла гас, кочегары приводили себя в божеский вид – они отмывались и полностью меняли обмундирование.

Шамшур так привык в течение всей зимы видеть своего друга чумазым, что никак не мог принять его нынешний чистый вид. При свете луны он периодически посматривал на своего товарища, словно хотел лишний раз убедиться, что это именно он.

– Ты чего башкой вертишь? Спи давай, – произнёс Ермилов, заметив, что друг никак не может улечься.

– Да неудобно тут. Надо было хоть веток каких-то подстелить. Я вот удивляюсь тебе – как ты можешь спать на камнях!?

Ермилов ухмыльнулся:

– Очень просто. Ты видел, где я спал в кочегарке? Прямо на куче угля. Так что у меня тело натренированное, не то что у тебя, неженки.

– Чего? Это я-то неженка!?! Да пока ты дрых у себя в кочегарке, я охранял рубежи нашей Родины!

– Хе-хе-хе! Слышал я, как ты охранял рубежи нашей Родины! Это можно было определить по храпу! Как только слышишь храп со стороны границы, так и знай, это Ромка охраняет рубежи нашей Родины. Мне даже в кочегарке было слышно, как ты храпишь!

– Ах ты сволочь замурзанная! – возмутился Шамшур и попытался ткнуть кочегара кулаком в бок. Тот ловко перехватил руку и дёрнул её в сторону. Оба, смеясь, покатались на дно овражка. Сверху из темноты послышался голос молодого солдата:

– Пацаны, вы чего там?

– Ничего, товарищ боец. Всё в порядке, – ответил Ермилов, вставая и отряхиваясь. – А у тебя что-то видно?

– Не-а!

– Продолжаем, товарищ боец, следить за обстановкой и в случае обнаружения чего-то подозрительного докладывать старшему наряду, – наставительно произнёс кочегар. Ему нравилось говорить с «индусом» таким тоном.

Оба деда поднялись и снова легли на прежнее место.

– Может, ты храпом контрабандистов распугивал? – попытался продолжить тему Ермилов, но его друг только угукнул в ответ.

Дурачиться и подкалывать друг друга они умели, но, помимо этого, они могли и по душам поговорить. Шамшур часто приходил к Ермилову в кочегарку, и они подолгу разговаривали о жизни, вспоминали гражданку и делились планами на будущее. Кочегар понял, что сейчас наступил момент поговорить серьёзно.

– Случилось что, Ромка?

– Да, – ответил сослуживец. – Я сегодня утром на правом фланге такое чудо встретил. До сих пор не могу забыть.

Ермилов повернулся:

– Какое чудо?

– Девушку.

– Ты чего, заболел? – кочегар приложил руку ко лбу Шамшура. Тот отмахнулся. – Какую ещё девушку? Где ты тут видел девушек?

Он сел и развёл руками, оглядываясь по сторонам, как будто хотел лишний раз удостовериться в отсутствии девушек.

– Представь себе, девушка! Пасла овец, и с ней ещё две родственницы.

– Ну, и...?

– Я её как увидел – обалдел! До сих пор не могу забыть.

– Такая страшная, что ли?

– Нет, наоборот, очень красивая!

Кочегар с интересом уставился на сослуживца. В его голове не укладывалось, как это его товарищ ухитрился встретить в этой тьмутаракани девушку, да ещё и красивую.

– Она русская? – допустил он мысль, которая хоть как-то объясняла происходящее. – Откуда она?

– Она из Нахичевани. Азербайджанка.

– Как азербайджанка!? – вскричал Ермилов. – Они же все усатые!

Убеждение, что здешние женщины отличаются повышенной волосатостью на лице, было одним из очень стойких стереотипов, внушаемых друг другу солдатами, начиная с первых дней службы. Откуда повелось такое мнение – непонятно, но оно кочевало из призыва в призыв, отбивая охоту даже смотреть в сторону местных баб.

Ещё вчера Шамшур не задумываясь согласился бы с этим утверждением, но после утренней встречи злая насмешка товарища прозвучала как личное оскорбление.

– Да пошёл ты на хрен! – обозлился Шамшур и отвернулся.

– Нет, подожди! – не унимался кочегар. – Ты хочешь сказать, что сегодня утром ты встретил на фланге девушку неземной красоты, и эта девушка – мамедка?! Слушай, Ромка, а ты случайно не влюбился?

– Угу! Только тебе этого не понять! – зло буркнул Шамшур, не поворачиваясь.

– Да уж, куда мне!

Ермилов был парень ушлый и успел до армии погулять на славу. Догулялся он до того, что на проводах две девчонки одновременно, естественно, не догадываясь о существовании друг друга, готовились сесть рядом с ним за стол на правах возлюбленной. Чтобы избежать конфуза, он переругался с обеими и ушёл служить совершенно свободным от каких-либо обязательств.

Правда, вскоре он об этом пожалел. Видя, как некоторые его товарищи чуть ли не каждый день получали письма от любимых, Ермилов стал им завидовать. Через пару недель он написал покаянное письмо вначале одной подружке, а затем, не дождавшись ответа, точно такое же послание отправил другой своей пассии. К его удивлению, обе девушки откликнулись и завалили его письмами.

Всё было бы хорошо, но через год активной переписки произошла катастрофа! Подмосковный городок, где жил Ермилов, был небольшой, и вероятность того, что обе его зазнобы когда-нибудь встретятся, была довольно высокая. Несмотря на это, казанова мужественно дурил головы обеим девицам. Увы, сколько бы верёвочке не виться, конец всегда найдётся.

Для истории осталось загадкой, при каких обстоятельствах познакомились обе возлюбленные Ермилова, но неопровержимым доказательством этого факта стало письмо, написанное ими обеими. В этом письме они высказали всё, что о нём думают, и пообещали при встрече оторвать ему то, что каждый мужчина особенно бережёт! Судя по всему, девицы были бедовые, потому что Ермилов отнёсся к их угрозам со всей серьёзностью и заявил другу, что после армии в свой родной город не вернётся.

Втайне кочегар надеялся, что встретит когда-нибудь такую девушку, любовь к которой целиком заполнит его сердце, не оставив там места ни для кого более. Когда и где это произойдёт, он не знал. Одно он знал точно – это будет не азербайджанка. В местную овцепаску мог влюбиться только такой неизлечимый романтик, как этот хохол Ромка Шамшур. Ермилову стало интересно, что же там за девушка такая, что его друг не может уснуть, думая о ней.

– Ладно, Ромка, не дуйся. Я же её не видел. Вот если увижу, то, может, тоже влюблюсь. Только ты учти, у тебя тогда шансов никаких. Я сразу же покорю её своим чертовским обаянием!

Шамшур улыбнулся. Долго обижаться на товарища он не мог. В знак дружбы он ткнул его кулаком в бок, и тот милостиво позволил ему это сделать.

– А зовут её как? – снова укладываясь, спросил Ермилов.

– Джамалья. Что, плохое имя?

– Да нет. Нормальное. Непривычное, правда. Сколько ей лет?

– Пятнадцать.

– Что?! – заорал кочегар и опять вскочил. – Ты совсем чокнулся! Она ведь малолетка!

Что ты с ней будешь делать?

– Да пошёл ты! – снова вскипел Шамшур.

– Товарищи деды, – слышалось сверху, – я, конечно, извиняюсь, но вы так орёте, что, наверное, в Иране слышно. Мы вроде как на границе находимся.

– Ох, и дурак ты, Рома, – понизил голос Ермилов и отвернулся. – Давай спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.